Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-452-461
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, ORCID -0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И СОВРЕМЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Аннотация. *В статье исследуется историко-правовая эволюция пенитенциарных учреждений России от ранних форм тюремного содержания до современной уголовно-исполнительной системы. Цель работы состоит в выявлении устойчивых институциональных моделей, которые воспроизводятся при смене политических режимов, законодательства и управленческой подчиненности мест лишения свободы. На основе формально-юридического, историко-правового, сравнительно-диахронного и институционального методов выделены три взаимосвязанных контура отечественной пенитенциарной организации: охранительно-изоляционный, исправительно-трудовой и социально-реинтеграционный. Показано, что учреждение Главного тюремного управления в 1879 г. сформировало централизованную административную модель, советский период закрепил производственно-колониальную форму исполнения лишения свободы, а постсоветские реформы правового статуса осужденных и передача системы в ведение Министерства юстиции не устранили полностью прежнюю инфраструктурную и управленческую инерцию. Обосновано, что современное развитие пробации, индивидуализации исполнения наказаний и цифрового контроля создает предпосылки для перехода от преимущественно учрежденческой модели к системе непрерывного сопровождения осужденного. Предложены направления реформирования: историко-институциональная экспертиза проектов, диверсификация типов учреждений, усиление общественного участия, развитие постпенитенциарной поддержки и введение показателей результативности, связанных с ресоциализацией и рецидивом, а также с качеством подготовки осужденного к освобождению.*

Ключевые слова: *пенитенциарные учреждения, уголовно-исполнительная система, тюрьма, исправительная колония, историческая преемственность, ресоциализация, пробация, тюремная реформа, ФСИН России.*

Для цитирования: *Майстренко Г. А. Развитие пенитенциарных учреждений в России: историко-правовая преемственность и современная трансформация // Право и управление. 2026. № 10. С. 452–461.*

MAISTRENKO Grigory Aleksandrovich,
Candidate of Law, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

DEVELOPMENT OF PENITENTIARY INSTITUTIONS IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL CONTINUITY AND CONTEMPORARY TRANSFORMATION

Annotation. *The article examines the historical and legal evolution of penitentiary institutions in Russia, from early forms of custodial detention to the contemporary penal enforcement system. The study aims to identify stable institutional patterns reproduced despite changes in political regimes, legislation, and administrative subordination of places of confinement. Using formal legal, historical legal, diachronic comparative, and institutional methods, the author distinguishes three interconnected dimensions of the Russian penitentiary organization: security and isolation, correction through labour, and social reintegration.*

The establishment of the Main Prison Administration in 1879 created a centralized administrative model; the Soviet period consolidated a production-oriented colony system; and post-Soviet reforms of prisoners' legal status and the transfer of the penal system to the Ministry of Justice did not fully overcome inherited infrastructural and managerial inertia. The development of probation, individualized sentence enforcement, and digital supervision is shown to provide a basis for moving from an institution-centred model toward continuous offender support. The article proposes historical and institutional impact assessment of reforms, diversification of institutional types, stronger public participation, expansion of post-release assistance, and performance indicators linked to reintegration and recidivism.

Key words: *penitentiary institutions, penal enforcement system, prison, correctional colony, historical continuity, reintegration, probation, prison reform, Federal Penitentiary Service.*

For citation: *Maistrenko G. A. Development of penitentiary institutions in Russia: historical and legal continuity and contemporary transformation. Law and administration. 2026;(10):452–461. (In Russ.).*

Введение

История пенитенциарных учреждений представляет собой не линейную последовательность организационных переименований, а концентрированное выражение уголовной политики государства. В устройстве тюрьмы, колонии, лагеря или следственного изолятора материализуются представления законодателя о целях наказания, допустимой степени принуждения, роли труда, соотношении безопасности и человеческого достоинства. Поэтому анализ развития мест лишения свободы позволяет оценить не только прошлое специального государственного аппарата, но и устойчивость правовых моделей, которые продолжают воздействовать на современную практику исполнения наказаний.

Актуальность темы усиливается переходным характером нынешнего этапа. С одной стороны, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации закрепляет исправление осужденных и предупреждение новых преступлений как цели уголовно-исполнительного законодательства, признает их права, предусматривает дифференциацию условий и судебную компенсацию за нарушения содержания [20]. С другой стороны, сеть учреждений, территориальная дислокация, коллективные формы размещения и производственная организация исправительных колоний во многом сформированы в советскую эпоху. Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г., федеральная целевая программа развития инфраструктуры и законодательство о пробации задают новый вектор, однако его реализация сталкивается с институциональной инерцией [24–27].

Цель статьи — выявить исторически устойчивые модели организации пенитенциарных учреждений России и определить, какие элементы их наследия содействуют, а какие препятствуют современной трансформации уголовно-исполнительной системы. Для достижения цели решаются задачи периодизации развития учреждений; анализа изменений их функций и ведомственной принадлежности; сопоставления имперской, советской и постсоветской моделей; формулирования предложений по использованию исторического опыта в современной реформе.

Методология исследования и научная новизна

Исследование основано на сочетании историко-правового и формально-юридического методов. Историко-правовой метод позволяет рассматривать нормы не изолированно, а во взаимосвязи с политическим режимом, хозяйственными потребностями и административной культурой соответствующего периода. Формально-юридический метод используется для сопоставления целей наказания, видов учреждений, правового положения заключенных и компетенции органов управления. Сравнительно-диахронный подход направлен на выявление повторяющихся решений: централизации управления, соединения изоляции с трудом, дифференциации контингента, участия общества и организации помощи освобождаемым.

Научная новизна заключается в интерпретации российской пенитенциарной системы как институционального палимпсеста, в котором одновременно действуют три исторически сложившихся контура. Первый — охранительно-изоляционный — восходит к тюрьме как месту удержания и обеспечения неотвратимости судебной репрессии. Второй — исправительно-трудовой — сформировался в XIX в., получил гипертрофированное развитие в советской лагерно-колониальной системе и сохраняется в производственной организации исправительных учреждений. Третий — социально-реинтеграционный — включает образование, психологическую помощь, пробацию, общественный контроль и постпенитенциарное сопровождение. Проблема современной реформы состоит не просто в гуманизации режима, а в изменении иерархии этих контуров: безопасность должна служить условием исправления, а не подменять его.

1. От места удержания к пенитенциарному учреждению

В древнерусском и раннем московском пра-

ве тюремное заключение первоначально не являлось основным самостоятельным наказанием. Тюрьма выполняла преимущественно обеспечительную функцию: в ней удерживали обвиняемого до суда, исполнения телесного наказания, выдачи поручительства или иного решения власти. Такая функция объяснялась слабостью постоянного административного аппарата, высокой стоимостью содержания заключенных и доминированием имущественных, телесных и статусных санкций. В Судебниках XV–XVI вв. и Соборном уложении 1649 г. лишение свободы постепенно приобретало карательное значение, но режим содержания оставался фрагментарным, а материальное обеспечение нередко возлагалось на родственников и милостыню [1; 7; 8].

Петровские преобразования расширили государственное использование принудительного труда. Арестантские работы, крепостное строительство, галеры, мануфактуры и горные предприятия соединяли наказание с хозяйственными задачами. Однако такая организация еще не образовывала пенитенциарной системы в современном смысле: отсутствовали единые цели исправления, специализированное управление и стандартизированные типы учреждений. Заключенный рассматривался прежде всего как объект принуждения и трудовой ресурс, а не как субъект особого правового статуса.

В XVIII — начале XIX в. развитие губернского управления и полицейского аппарата привело к формированию тюремных замков, смирительных и работных домов. Появилось различие между содержанием под следствием, краткосрочным арестом, исправительным принудительным трудом и этапированием в ссылку. Вместе с тем ведомственная раздробленность, переполнение, отсутствие подготовленного персонала и зависимость от местных финансов препятствовали унификации практики. До второй половины XIX в. тюремное дело оставалось периферийной частью полиции, а не самостоятельным направлением государственной политики [9, с. 37–82].

2. Имперская тюремная реформа и возникновение централизованной модели

Важным переходным институтом стало учрежденное в 1819 г. Общество попечительное о тюрьмах. Оно перенесло в российскую практику идею нравственного исправления, сочетавшую религиозное воздействие, труд, обучение и улучшение быта. Губернские комитеты и уездные отделения организовывали питание, медицинскую помощь, библиотеки, ремесленное обучение, поддержку семей и лиц после освобождения. В середине XIX в. общественная инициатива фактически превратилась в государственно-общественный механизм управления тюремной сферой [10, с. 163–164]. Этот опыт важен тем, что исправительное воздействие впервые получило институционального носителя вне собственно тюремной администрации.

Кодификационным основанием имперской модели стали Устав о содержащихся под стражею и Устав о ссыльных, включенные в XIV том Свода законов Российской империи. Они систематизировали виды мест заключения, вопросы приема, раздельного содержания, охраны, этапирования, труда и материального обеспечения. Вместе с тем регулирование оставалось казуистичным и не устраняло множественности ведомств. Как отмечал И. Я. Фойницкий, тюрьмоведение должно было соединить уголовно-правовую теорию наказания, архитектуру, режим, санитарное дело и организацию исправительного воздействия [2; 3, с. 287–336].

Поворотным событием стало учреждение 27 февраля 1879 г. Главного тюремного управления в составе Министерства внутренних дел. Возник единый центральный орган, отвечавший за управление местами заключения, их финансирование, кадровое обеспечение и нормативную унификацию [4]. Законодательные положения 11 декабря 1879 г. закрепили основные направления преобразования тюремной части и пересмотра системы наказаний [5]. Именно централизация, а не отдельное улучшение режима, образовала институциональный рубеж между совокупностью тюрем и пенитенциарной системой.

В последующие десятилетия были введены губернские тюремные инспекции, укреплена тюремная стража, развивалась ведомственная статистика и профессиональная периодика, включая «Тюремный вестник». Передача Главного тюремного управления в 1895 г. из Министерства внутренних дел в Министерство юстиции имела принципиальное значение: исполнение наказаний организационно сближалось с судебной и правовой политикой, а не только с охраной общественного порядка [11]. В этом решении просматривается исторический прототип постсоветской передачи уголовно-исполнительной системы в ведение Минюста России.

Имперская реформа не устранила противоречий. Сохранялись каторга и ссылка, тяжелые этапные условия, переполнение, неодинаковое финансирование и зависимость качества режима от местной администрации. Колонизационная функция каторги особенно проявилась на Сахалине, где сеть тюрем была связана с хозяйственным освоением территории; этот проект оказался затратным и социально деструктивным [12]. Тем не менее на уровне правовой идеологии сформировались элементы, позднее вошедшие в уголовно-исполнительное право: классификация заключенных, труд как средство исправления, профессионализация персонала, санитарные нормы,

условно-досрочное освобождение, надзор и общественная помощь.

Логическим завершением дореволюционной кодификации стала Общая тюремная инструкция 1915 г. Она объединила нормы о внутреннем распорядке, дисциплине, труде, образовании, религиозно-нравственном воздействии и обязанностях администрации [6]. Инструкция закрепляла исправление как содержательную цель, но связывала его с патерналистской моделью подчинения. В результате к 1917 г. российская система сочетала современное централизованное управление, элементы гуманизации и архаичные формы ссылки и каторги. Эта двойственность предопределила как возможности преемственности, так и радикальный разрыв после революции.

3. Раннесоветская перестройка: от тюрьмы к исправительно-трудовому учреждению

После 1917 г. новая власть провозгласила отказ от дореволюционной тюрьмы как института классового государства. Однако фактическая перестройка происходила на базе прежних зданий, кадровых практик и административных навыков. Временная инструкция Народного комиссариата юстиции РСФСР от 23 июля 1918 г. отменила действие уставов о содержащихся под стражею и связала лишение свободы с обязательным трудом [13]. Терминологический разрыв — «дома заключения», «исправительно-трудовые учреждения», «лагеря принудительных работ» — выражал новую идеологию, но не исключал использования дореволюционной инфраструктуры.

В 1918–1922 гг. сложилась множественность ведомственных подсистем. Общие места заключения находились в ведении Наркомюста, лагеря принудительных работ — НКВД РСФСР, внутренние тюрьмы и специальные лагеря — органов ВЧК–ГПУ. Параллельность управленческих центров создавала различие целей: юридически оформленное исправление конкурировало с внесудебной изоляцией и политической репрессией [14]. Поэтому раннесоветский период нельзя характеризовать только как последовательный переход к исправлению трудом; он одновременно сформировал две линии — кодифицированную исправительно-трудовую и чрезвычайно-карательную.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. стал первым советским кодифицированным актом в данной сфере. Он предусматривал систему учреждений, дифференциацию режима, распределительные комиссии, прогрессивное изменение условий, культурно-просветительную работу и труд [15]. В нормативной модели присутствовал заметный реабилитационный потенциал: заключенный должен был возвращаться к общественно полезной жизни, а учреждение — использовать педагогические и социальные средства. Однако экономическая слабость государства, кадровый дефицит и рост репрессивной политики ограничивали реализацию этих положений.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. хозяйственная функция мест лишения свободы стала определяющей. Создание системы исправительно-трудовых лагерей и централизация ее в ОГПУ–НКВД превратили массовый труд заключенных в инструмент освоения территорий и реализации крупных проектов. Исправление как юридическая цель не исчезло из нормативной риторики, но было подчинено производственным заданиям, режиму мобилизации и политической селекции контингента. В этой модели учреждение оценивалось прежде всего по выполнению плана, охране и использованию рабочей силы, а индивидуализация воздействия отступала на второй план [16]. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 г. закреплял систему учреждений и воспитательные средства, но действовал в условиях, когда значительная часть лагерной сферы регулировалась союзными и ведомственными актами [17]. Возник нормативный дуализм: республиканское исправительно-трудовое законодательство декларировало исправление и перевоспитание, а реальная лагерная администрация функционировала в логике безопасности, хозяйственной эффективности и чрезвычайного управления. Этот дуализм является одним из наиболее устойчивых исторических уроков: формальная гуманизация закона не приводит к изменению учреждения, если показатели управления и материальная структура ориентированы на иные цели.

4. Позднесоветская колониальная модель и ее институциональное наследие

После 1953 г. масштаб лагерной системы был сокращен, произошел пересмотр многих репрессивных практик, а управление местами лишения свободы постепенно приобрело более стабильные правовые формы. Однако базовой единицей стала не камерная тюрьма, а исправительно-трудовая колония с отрядным проживанием и производственной зоной. Такая форма позволяла сочетать охрану значительного числа осужденных, коллективное воспитательное воздействие и хозяйственную деятельность. Она соответствовала советской идее исправления через трудовой коллектив, но одновременно создавала неформальную стратификацию среды, зависимость режима от массовой дисциплины и ограниченные возможности индивидуальной работы.

Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик 1969 г. и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1970 г. придали системе длительно действовавшую нормативную конструкцию [18]. Кодекс закреплял режим, общественно полезный труд, политико-воспитательную работу, обучение и об-

щественное воздействие как средства исправления. Он дифференцировал виды колоний, тюрьмы, воспитательно-трудовые колонии и лечебные учреждения. В сравнении с 1930–1940-ми гг. правовое регулирование стало более определенным, но права осужденного выводились преимущественно из режима и задач администрации, а судебные механизмы защиты оставались ограниченными.

Позднесоветская система сформировала инфраструктурный каркас, значительная часть которого перешла Российской Федерации: удаленное размещение учреждений, крупные исправительные колонии, производственные предприятия, отрядную организацию, вертикальную ведомственную систему и особую профессиональную субкультуру персонала. Ее устойчивость объясняется не только идеологией, но и экономикой: перестройка колонии в камерное или малокомплектное учреждение требует больших капитальных расходов, изменения штатной структуры и новой модели занятости. Поэтому постсоветская правовая реформа неизбежно происходила внутри материальной оболочки прежней системы.

5. Постсоветская правовая трансформация и смена ведомственной логики

В начале 1990-х гг. Россия перешла от исправительно-трудового к уголовно-исполнительному пониманию отрасли. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I определил систему учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, их задачи и правовой статус [19]. Конституция Российской Федерации и международные обязательства усилили значение достоинства личности, судебной защиты, запрета жестокого обращения и правовой определенности ограничений. Принятый в 1997 г. Уголовно-исполнительный кодекс РФ закрепил принципы законности, гуманизма, демократизма, равенства, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний [20].

Ключевой организационной реформой стала передача уголовно-исполнительной системы из МВД России в ведение Министерства юстиции Российской Федерации в 1998 г. [21]. По смыслу это решение воспроизводило имперскую реформу 1895 г.: ведомственная принадлежность должна была ослабить полицейскую доминанту и подчеркнуть правовой характер исполнения судебного приговора. Однако сама передача не могла автоматически изменить инфраструктуру, кадровые установки и критерии оценки деятельности. Исторический опыт показывает, что ведомственная реформа достигает цели лишь при одновременной перестройке режима, подготовки персонала, финансирования и внешнего контроля.

Административная реформа 2004 г. оформила Федеральную службу исполнения наказаний как самостоятельный федеральный орган исполнительной власти, подведомственный Министерству юстиции России [22]. Тем самым была создана современная вертикаль управления. Одновременно расширялись прокурорский надзор, судебный контроль, деятельность уполномоченных по правам человека и общественных наблюдательных комиссий. В 2020 г. в УИК РФ появилась специальная компенсационная защита при нарушении условий содержания, что обозначило переход от абстрактного признания прав к самостоятельному средству юридической ответственности государства [20].

При этом постсоветская система сохранила противоречие между правовой моделью и учрежденческой практикой. УИК РФ индивидуализирует положение осужденного, тогда как крупная колония организационно ориентирована на управление группами. Закон разграничивает исправление и производственную деятельность, но экономическая устойчивость учреждений по-прежнему связана с занятостью осужденных. Законодательство расширяет контакты с внешним миром, однако удаленность колоний затрудняет семейные связи, адвокатскую помощь и подготовку к освобождению. Следовательно, современная трансформация требует изменения не отдельных режимных правил, а самого типа учреждения.

6. Современный этап: от учреждения к траектории исполнения наказания

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. определяет направления модернизации инфраструктуры, обеспечения прав, безопасности, медицинской помощи, трудовой занятости, цифровизации и кадровой политики [24; 28]. Изменения 2023 г. усилили связь концепции с пробацией и социальной адаптацией [25]. Федеральная целевая программа развития уголовно-исполнительной системы, продленная в актуальной редакции до 2035 г., концентрируется на строительстве и реконструкции следственных изоляторов и исправительных учреждений, устранении аварийного фонда и приведении условий содержания в соответствие с нормативами [26].

Наиболее значимый концептуальный сдвиг связан с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Закон закрепил исполнительную, пенитенциарную и постпенитенциарную пробацию, ориентированную на коррекцию социального поведения, ресоциализацию, адаптацию, реабилитацию и предупреждение новых преступлений [27]. В исторической перспективе пробация восстанавливает разорванную связь между учреждением и обществом: исполнение наказания перестает завершаться воротами колонии, а помощь

после освобождения становится элементом государственной уголовной политики, а не исключительно благотворительной инициативой.

Одновременно цифровые технологии меняют пространственную природу пенитенциарного контроля. Электронный мониторинг, видеосвязь, цифровой документооборот, дистанционное образование и телемедицина позволяют часть функций выполнять вне классического закрытого учреждения. Однако цифровизация может развиваться по двум сценариям. Первый расширяет тотальный контроль и воспроизводит охранительно-изоляционный контур в электронной форме. Второй снижает необходимость физической изоляции, поддерживает индивидуальную траекторию и обеспечивает доступ к услугам. Правовая политика должна сознательно предпочесть второй сценарий, закрепив цели, пределы обработки данных и независимый аудит цифровых решений.

Международные стандарты, включая Правила Нельсона Манделы, требуют уважения достоинства заключенных, безопасных условий, медицинской независимости, подготовки к освобождению и использования изоляции только в строго ограниченных пределах [23]. Для российского права эти правила значимы не как внешняя модель копирования, а как критерий проверки внутренней согласованности реформ. Многие гуманистические элементы — труд без причинения страданий, образование, медицинская помощь, общественное участие — имеют отечественные исторические аналоги. Задача состоит в отделении их от патерналистских и мобилизационных практик прошлых эпох.

7. Периодизация и преемственность институциональных моделей

Исторический этап	Преобладающий тип учреждения	Доминирующая функция	Модель управления	Сохранившееся наследие
До начала XIX в.	Тюремный замок, острог, работный дом	Удержание и обеспечение репрессии	Местное полицейское управление	Охранительная приоритетность
1819–1917 гг.	Тюрьма, арестантское отделение, каторжная тюрьма	Изоляция, труд, нравственное исправление	Централизация ГТУ и общественное попечение	Инспекция, классификация, патронат
1918–1953 гг.	Дом заключения, колония, исправительно-трудовой лагерь	Трудовая мобилизация и политическая изоляция	Ведомственный дуализм, затем НКВД–МВД	Производственно-лагерная логика
1953–1991 гг.	Исправительно-трудовая колония	Коллективное исправление трудом	Централизованная система МВД	Отрядность, крупные колонии, предприятия
1991 г. — настоящее время	Исправительная колония, тюрьма, СИЗО, исправительный центр	Правовое исполнение наказания и ресоциализация	ФСИН России в системе Минюста	Гибрид прежней инфраструктуры и новых гарантий

Таблица 1. Исторические модели пенитенциарных учреждений России

Представленная периодизация показывает, что смена терминов не совпадает со сменой институциональной логики. Тюрьма может именоваться исправительным учреждением, но сохранять приоритет удержания; колония может иметь развернутую воспитательную службу, но управляться по производственным показателям; пробация может быть нормативно введена, но не обеспечена муниципальными и социальными ресурсами. Поэтому оценка реформ должна включать не только анализ текста закона, но и проверку того, какие стимулы получает администрация, как устроено пространство учреждения и каким образом измеряется результат.

Историческая преемственность имеет как положительную, так и отрицательную сторону. К положительному наследию относятся профессионализация управления, дифференциация контингента, развитие образования и труда, участие общественности, помощь освобождаемым. Негативное наследие образуют ведомственная закрытость, подмена исправления дисциплинарной управляемостью, использование заключенного прежде всего как трудового ресурса, удаленность учреждений от места жительства и слабая персонализация воздействия. Современная реформа должна быть селективной: сохранять эффективные институты и прекращать воспроизводство практик, несовместимых с заявленными целями.

8. Направления исторически обоснованной реформы

Первое направление — введение историко-институциональной экспертизы проектов уголовно-исполнительных реформ. Наряду с финансово-экономическим и антикоррупционным обоснованием следует оценивать, какую управленческую модель усиливает предлагаемое решение: охранительную, производственную или реинтеграционную. Например, строительство нового учреждения может улучшить бытовые условия, но одновременно законсервировать массовое отрядное размещение на десятилетия. Такая экспертиза позволит выявлять зависимость от прежнего пути развития до принятия капиталоемких решений.

Второе направление — диверсификация типов учреждений и уменьшение чрезмерной крупности исправительных колоний. Необходимы малокомплектные учреждения для отдельных категорий, расширение участков с различными условиями, развитие исправительных центров и форм контролируемого проживания, приближенных к обычной социальной среде. Дифференциация должна основываться не только на тяжести преступления и рецидиве, но и на рисках, потребностях, семейных связях, состоянии здоровья и индивидуальном плане ресоциализации. Исторический опыт показывает, что формальная классификация без различия содержания режима быстро превращается в административную маркировку.

Третье направление — изменение системы показателей деятельности. Охрана, отсутствие побегов и правонарушений остаются обязательными, но не должны быть единственными домини-

рующими критериями. Следует учитывать сохранение семейных связей, получение образования и квалификации, трудоустройство после освобождения, устойчивость жилья, исполнение обязанностей перед потерпевшими, участие в программах лечения и динамику повторной преступности. Только в этом случае учреждение будет заинтересовано в подготовке человека к свободе, а не исключительно в бесконфликтном прохождении срока.

Четвертое направление — институционализация общественного участия. Дореволюционное Общество попечительное о тюрьмах нельзя механически восстанавливать, однако его функциональные элементы актуальны: материальная помощь, образование, поддержка семьи, патронат, трудоустройство и сопровождение после освобождения. Общественные наблюдательные комиссии выполняют прежде всего контрольную роль; для реинтеграции необходимы устойчивые партнерства ФСИН России, субъектов Федерации, муниципалитетов, работодателей, образовательных организаций, адвокатуры, религиозных и некоммерческих организаций. Закон о пробации создает правовую рамку, но наполнение ее ресурсами требует межведомственных соглашений и финансирования [27].

Пятое направление — формирование непрерывной индивидуальной траектории от момента назначения наказания до завершения постпенитенциарной пробации. Индивидуальная программа должна быть цифрово переносимой между судом, уголовно-исполнительной инспекцией, учреждением, медицинской организацией и службой пробации при строгом разграничении доступа. Это позволит избежать повторной диагностики, утраты сведений и разрыва помощи при переводе или освобождении. Одновременно необходимо предоставить осужденному право знакомиться с программой, участвовать в ее корректировке и обжаловать решения, существенно влияющие на условия исполнения наказания.

Шестое направление — переосмысление труда осужденных. Исторически труд колебался между средством нравственного исправления, хозяйственной необходимостью и формой эксплуатации. Современная модель должна исходить из профессиональной подготовки, добровольного выбора доступных видов занятости, охраны труда, прозрачного начисления заработка и связи с региональным рынком. Производство внутри учреждения оправдано постольку, поскольку повышает шансы на законную занятость после освобождения, а не только снижает расходы системы.

Седьмое направление — пространственная доступность. Размещение осужденного ближе к месту жительства семьи должно стать реальным организационным приоритетом, а не исключением, ограниченным наличием мест. Поддержание контактов снижает социальную дезадаптацию и облегчает пробацию. Новое строительство целесообразно планировать с учетом транспортной доступности, медицинской и образовательной инфраструктуры региона. История ссылки и удаленных лагерно-колониальных комплексов показывает, что география наказания способна сама по себе усиливать его тяжесть и разрушать ресурсы возвращения в общество.

Заключение

Развитие пенитенциарных учреждений России прошло несколько качественно различных этапов, но не сопровождалось полным исчезновением предшествующих моделей. Дореволюционная реформа создала централизованное управление, инспекцию, профессиональную нормативную базу и общественно-попечительные формы. Советский период превратил труд и колониальную организацию в системообразующие элементы, а в отдельные десятилетия подчинил исполнение наказаний политической репрессии и хозяйственной мобилизации. Позднесоветская кодификация стабилизировала режим, но закрепила коллективно-отрядную и ведомственно закрытую модель. Постсоветское право провозгласило достоинство, права и индивидуализацию, однако реализует их в значительной мере на унаследованной инфраструктуре.

Главный результат исследования состоит в выводе о гибридном характере современной уголовно-исполнительной системы. В ней одновременно действуют охранительно-изоляционный, исправительно-трудовой и социально-реинтеграционный контуры. Пока первый и второй определяют архитектуру, бюджет и управленческие показатели, третий остается зависимым от отдельных программ и инициатив. Поэтому дальнейшее развитие не может ограничиваться улучшением условий содержания или изменением ведомственных актов; оно требует переориентации всей институциональной конструкции на снижение повторной преступности и подготовку к законной жизни.

Пробация создает возможность преодолеть традиционную замкнутость учреждения и выстроить исполнение наказания как непрерывную социально-правовую траекторию. Для этого необходимы диверсификация учреждений, индивидуальная оценка рисков и потребностей, новые показатели результативности, общественное партнерство, современная модель труда, территориальная доступность и правовые гарантии цифровизации. История российской пенитенциарной системы должна использоваться не как источник ведомственной символики, а как инструмент выявления повторяющихся ошибок и инсти-

туциональных ограничений. Именно такой подход способен превратить историческую преемственность из фактора инерции в ресурс осмысленной реформы.

Список литературы:

[1] Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии / под ред. В. И. Буганова. Л.: Наука, 1987. 448 с.

[2] Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею // Свод законов Российской империи. СПб.: Государственная типография, 1890. Т. XIV. С. 148–227.

[3] Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1889. 504 с.

[4] Об учреждении в составе Министерства внутренних дел Главного тюремного управления: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 27 февраля 1879 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. LIV. № 59360.

[5] Об основных положениях, имеющих быть руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 11 декабря 1879 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. LIV.

[6] Общая тюремная инструкция: утв. министром юстиции 28 декабря 1915 г. Пг.: Типография Петроградской тюрьмы, 1916. 110 с.

[7] Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1941–1963.

[8] Беляева Л. И. К истории становления законодательства о тюрьмах в Московском государстве (XVI–XVII вв.) // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14(1–4), № 2. С. 123–129.

[9] Петренко Н. И. Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России. Чебоксары: ИПК «Чувашия», 2002. 531 с.

[10] Шипеев Я. Г. К вопросу об эволюции отечественной пенитенциарной системы (X — начало XX вв.) // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 1(51). С. 162–168.

[11] Министерство юстиции Российской империи: фондовое описание // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: https://www.prlib.ru/item/864106 (дата обращения: 31.07.2026).

[12] Учреждение каторги на острове Сахалин // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: https://www.prlib.ru/history/1181494 (дата обращения: 31.07.2026).

[13] О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового (Временная инструкция): постановление НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 53. Ст. 598.

[14] Реент Ю. А. От тюрем к лагерям: становление исправительно-трудовой системы России (к 100-летию Центрального карательного отдела) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 96–103.

[15] Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870.

[16] Детков М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М.: Вердикт-1М, 2009. 448 с.

[17] Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1933 г. // СУ РСФСР. 1933. № 48. Ст. 208.

[18] Исправительно-трудовой кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 18 декабря 1970 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1970. № 51. Ст. 1220.

[19] Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-I // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

[20] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

[21] О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28 июля 1998 г. № 904 // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3841.

[22] Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 (ред. от 27 апреля 2026 г.) // СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4109.

[23] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы): приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 70/175 от 17 декабря 2015 г.

[24] Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // СЗ РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.

[25] О внесении изменений в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 27 мая 2023 г. № 1374-р.

[26] О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2035 годы)»: постановление Правительства РФ от 6 апреля 2018 г. № 420 (ред. от 20 августа 2025 г.).

[27] О пробации в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 6. Ст. 917.

[28] Маркунцов С. А. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: отдельные вопросы реализации // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17(1–4), № 3. С. 286–294.

References:

[1] Cathedral Code of 1649: text, comments / ed. V.I. Buganova. L.: Science, 1987. 448 p.

[2] Code of institutions and charters on those held under guard // Code of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg: State Printing House, 1890. T. XIV. S. 148-227.

[3] Foinitsky I. Ya. Doctrine of punishment in connection with prison science. St. Petersburg: Printing house of the Ministry of Railways, 1889. 504 pp.

[4] On the establishment of the Main Prison Directorate as part of the Ministry of the Interior: The highest approved opinion of the State Council of February 27, 1879 // Complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 2nd. T. LIV. № 59360.

[5] On the main provisions that have to be guidance in the transformation of the prison part and in the revision of the Penal Code: The highest approved opinion of the State Council of December 11, 1879 // Complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 2nd. T. LIV.

[6] General prison instruction: approved by Minister of Justice December 28, 1915 Pg.: Printing house of the Petrograd prison, 1916. 110 s.

[7] Gernet M.N. History of the royal prison: in 5 vols. M.: State Publishing House of Legal Literature, 1941-1963.

[8] Belyaeva L.I. On the history of the formation of prison legislation in the Moscow state (XVI-XVII centuries) // Penal law. 2019. T. 14 (1-4), NO. 2. S. 123-129.

[9] Petrenko N.I. Formation and development of the management of the penitentiary system of Russia. Cheboksary: IPK "Chuvashia," 2002. 531 pp.

[10] Shipeev Y. G. On the evolution of the domestic penitentiary system (X - early XX centuries) // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2023. № 1(51). S. 162-168.

[11] Ministry of Justice of the Russian Empire: stock description // Presidential Library named after B.N. Yeltsin. URL: https://www.prlib.ru/item/864106 (access date: 31.07.2026).

[12] The establishment of hard labor on Sakhalin Island // Presidential Library named after B.N. Yeltsin. URL: https://www.prlib.ru/history/1181494 (access date: 31.07.2026).

[13] On imprisonment as a measure of punishment and on the procedure for serving it (Provisional Instruction): Decree of the NKYU of the RSFSR of July 23, 1918 // SU of the RSFSR. 1918. № 53. Art. 598.

[14] Reent Yu. A. From prisons to camps: the formation of the forced labor system of Russia (to the 100th anniversary of the Central Punitive Department) // Bulletin of Tomsk State University. History. 2018. № 55. S. 96-103.

[15] On the approval of the Correctional Labor Code of the RSFSR: Decree of the All-Russian Central Executive Committee of October 16, 1924 // SU of the RSFSR. 1924. № 86. Art. 870.

[16] Detkov M.G. Prisons, camps and colonies of Russia. M.: Verdict-1M, 2009. 448 p.

[17] On the approval of the Correctional Labor Code of the RSFSR: Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of August 1, 1933 // SU of the RSFSR. 1933. № 48. Art. 208.

[18] Correctional Labor Code of the RSFSR: approved by Supreme Council of the RSFSR December 18, 1970 // Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR. 1970. № 51. Art. 1220.

[19] On institutions and bodies of the penitentiary system of the Russian Federation: Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5473-I // Vedomosti SND and the Armed Forces of the Russian Federation. 1993. № 33. Art. 1316.

[20] Criminal Executive Code of the Russian Federation of January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended on December 29, 2025) // SZ RF. 1997. № 2. Art. 198.

[21] On the transfer of the penal system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to the Ministry of Justice of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 28, 1998 No. 904 // SZ RF. 1998. № 31. Art. 3841.

[22] Questions of the Federal Penitentiary Service: Decree of the President of the Russian Federation of October 13, 2004 No. 1314 (as amended on April 27, 2026) // SZ RF. 2004. № 42. Art. 4109.

[23] United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Nelson Mandela Rules): adopted by UN General Assembly resolution 70/175 of 17 December 2015.

[24] On approval of the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r // SZ RF. 2021. № 20. Art. 3397.

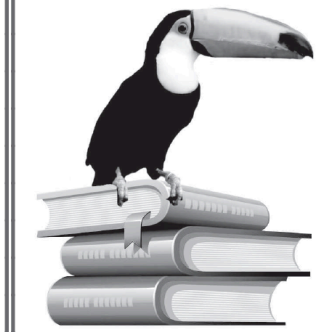
[25] On amendments to the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of May 27, 2023 No. 1374-r.

[26] On the federal target program "Development of the penal system (2018-2035)": Decree of the Government of the Russian Federation of April 6, 2018 No. 420 (as amended on August 20, 2025).

[27] On probation in the Russian Federation: Federal Law of February 6, 2023 No. 10-FZ // SZ RF.

2023. № 6. Art. 917.

[28] Markuntsov S. A. Concept of the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030: certain issues of implementation // Penal law. 2022. T. 17 (1-4), NO. 3. S. 286-294.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.